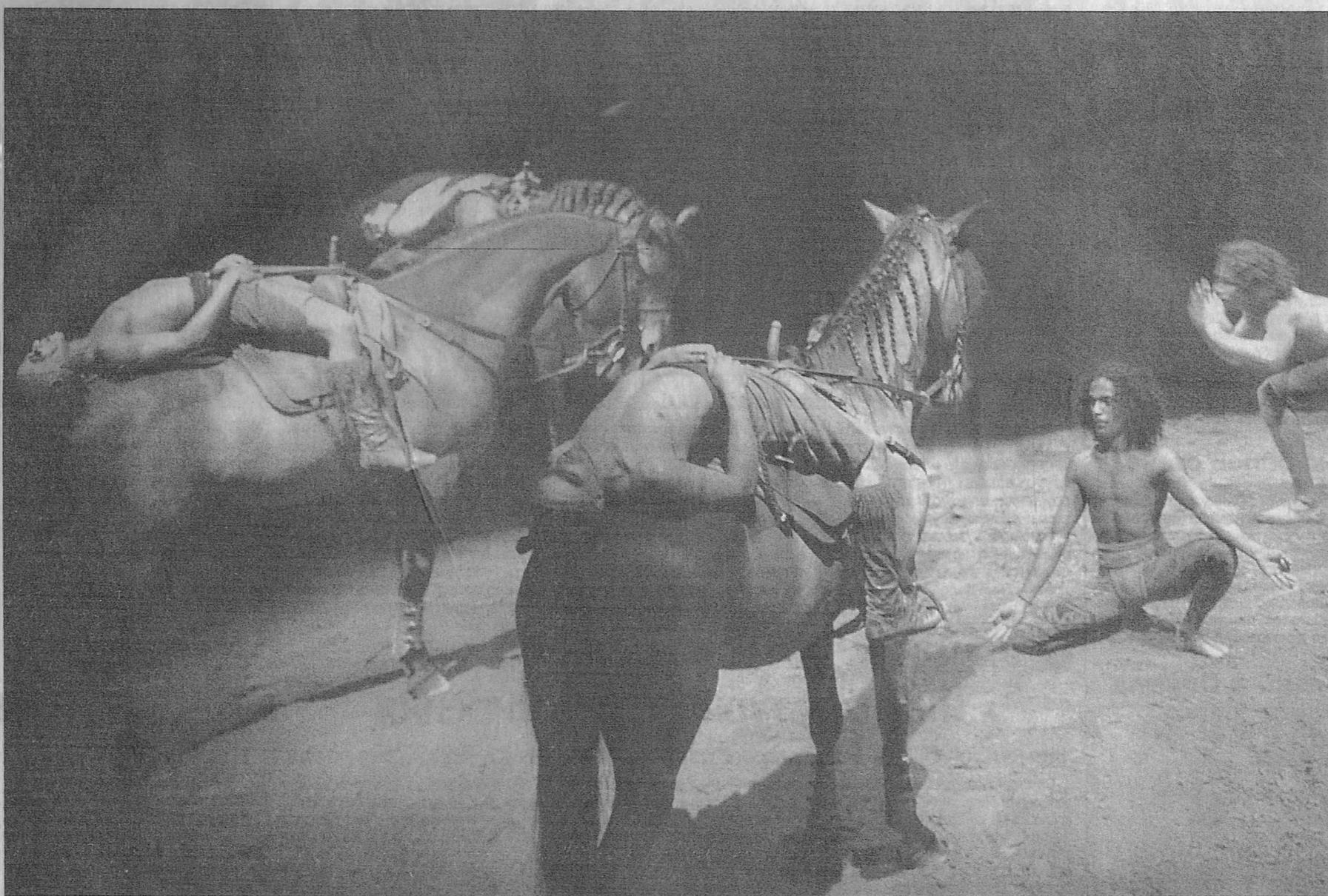


Руководство 2001. - 7-13 июня - с. 1

Все мы — немного лошади



“Весна священная”: люди и кони

Французский конный театр “Зингаро” на двадцать июньских дней поселился в московской усадьбе “Коломенское”. В глубине парка вырос огромный шатер, черный и “кожаный”, с острыми выступами на вершине, напоминающими лошадиную голень. И облик шатра, и название театра — “Зингаро”, — и имя его руководителя — Бартабас — ассоциируются с чем-то исконным, “бродячим”, вечным театрално-цирковым, волшебным и детским. То, что мы увидели внутри шатра, не обмануло ожиданий. Магия усыпанной рыжим песком арены, таинственный полумрак, звучащий хаос настраивающегося оркестра мгновенно превратили амфитеатр в единого и идеально-го для всех времен и эпох зрителя — наивного, готового к чуду. Чудо оказалось остросовременным, интеллектуально изощренным, тех-

нически виртуозным и вместе с тем человеечно-нежным. Спектакль “Триптих” — это музыка Стравинского и Булеза, “прочитанная” через вечный союз человека и лошади. Три части, продиктованные тремя музыкальными сочинениями (“Весна священная”, “Симфония псалмов” И. Стравинского, “Диалог двойной тени” П. Булеза), слились в изысканную и мощную поэму об ограниченной свободе человека и безграничной воле животного. Грация лошадей и сверхъестественная пластика танцоров вели диалог, который берет начало от Адама и, при оптимистичном прогнозе на будущее человечества, не прервется никогда. То, что происходит на арене, можно при желании разложить на профессиональные составляющие. Есть балет, есть воздушная акробатика, есть джигитовка, есть, ко-

нечно же, жесточайшая дрессура. Об этом, последнем, обстоятельстве нельзя не подумать. Видишь, как кони пробегают в узких промежутках между рядами распластанных человеческих тел. Как бешено галопирующая лошадь гонит по кругу одинокого и испуганного беглеца. Как гордый всадник безжалостно сбрасывает наземь вскочившего к нему в седло собрата. Понимаешь, что дело идет на секунды и миллиметры, чуть в сторону — и трагедия неизбежна. Понимаешь. Но слово “дрессура” категорически диссонирует с гармонией замысла. Ибо Бартабас, дитя конца XX века, исповедует философию, бесконечно далекую от превосходства человека над животным. Скорее, наоборот. Потрясающие танцоры-индусы (Бартабас взял их из индийской Каларипайатт, буддийской школы совер-

шенствования тела и духа) скованы извечными человеческими страхами и комплексами. А кони надменны и снисходительны. Боятся только фотовспышек, о запрещении которых не раз напоминают зрителям. Но люди мало убеждаемы и упорно щелкают своими “мыльницами”, а умные лошадки в ответ нервно бьют хвостами. Что лишний раз доказывает правоту Бартабасова мировоззрения. Три белоснежные голубоглазые кобылицы с гладко выбритыми гривами и хвостами (совсем без волоса, до тонкой и смешной мясистой основы) смотрятся как три обнаженные грации Боттичелли. Даже мохноногий коняга, подметающий в первом перерыве арену, даже крошечная карликовая лошадка, выравнивающая песок перед последней частью “Триптиха”, играют в этом зрелище свою гор-

дую и нежную роль. Тела танцовщиков сливаются с лошадиными на редкие мгновения гармонии, чтобы в следующую минуту вновь искать свое сомнительное человеческое превосходство. Живой кларнетист играет Булеза, ведет диалог со своей, звучащей в фонограмме, “тенью”. В финале появляется сам Бартабас, одинокий всадник, конь под которым торжественно гарцует в такт колокольному звону.

Вслед за “Полифонией мира”, спектаклем, более всех других сформулировавшим идею Всемирной театральной олимпиады, “Триптих” пробует взять “унисон”. Бартабас сочиняет прекрасную жизнеутверждающую утопию. В волшебном радиусе его “Зингаро” она уже состоялась.

Наталья КАМИНСКАЯ